

ОБРАЗ ВИЗАНТИИ В АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ X в.*

Доктор ист. наук В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН (Москва)

Утверждение, что ни одно государство не сказало такого влияния на все стороны жизни армян, как Византия, а армяне играли достаточно серьезную роль в Византийской империи, банально, но вполне справедливо. Византия была «другой» по отношению к армянам совсем не в той степени, как по отношению к Руси, Болгарии, Италии, и, тем более, к мусульманскому миру (Арабскому халифату, сельджукам). Однако для Армении и Византии надежными многовековыми «инструментами отчуждения» являлись противоречивые конфессиональные и государственные интересы.

Стремление ввести армянские земли в орбиту византийского политического влияния, логично сочетающееся с включением византийских идеологических ценностей в общественно-политическую теорию, обусловило создание позитивного образа Византии—великого христианского государства, естественного союзника в борьбе с мусульманским миром и законного сюзерена Армянского царства—в «Истории Армении» Иоанна Драсханакертци, который, таким образом, целенаправленно смягчал действие основополагающих «инструментов отчуждения» обеих стран—государственного и конфессионального.

Армянская историография X в., начавшаяся трудом Иоанна Драсханакертци, завершается «Всеобщей историей» Степаноса Таронечи по прозвищу Асолик.

Степанос Таронечи или Асолик, как и Иоанн Драсханакертци, создал историческое сочинение смешанного жанра, включающее в себя хронику и мемуары¹. В начале работы перечисляются «поэты и риторы», труды которых он использовал для «точного изображения прошедшего»². «Всеобщая история» Асолика делится на три раздела. Первый—состоит в основном из хронологических списков израильских, персидских, эллинистических, римских, ассирийских, мидийских, парфянских и армянских царей. Второй—содержит краткую историю Армении от Трдата I до Ашота I и изложен как конспективные выдержки из трудов предшественников. Третий раздел охватывает историю 117 лет от Ашота I до Гагика I. История первых Багратидов написана на основе «Истории Армении» Иоанна Драсханакертци, заключительная же часть, назван-

* Первая часть исследования, посвященная образу Византии в «Истории Армении» Иоанна Драсханакертци, опубликована в «Византийском временнике», 1991, № 52, с. 113—126.

¹ Մեծ փառքի Տարոնացի Ասուղի. Պատմիքի տիեզերական. Ս. Պետրոպոլ, 1885: Всеобщая история Степаноса Таронского Асолика по прозвищу—писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминим. М., 1884 (далее: Всеобщая история).

² Библия, Евсевий Кесарийский, Сократ Сколастик и «бесчисленное множество греческих историков, между которыми они блистают как яркие светила между звездами». Армянскими источниками для первых двух частей Асолик называет Агафангела, Мовсеса Хоренаци, Елише, Лазаря Парпеци, Фавстоса Бузанда, Себеоса, Гевонда, Шапуха Багратуни и Иоанна Драсханакертци.

ная «историей времен, повествуемых самостоятельно» (с 929 до 1004 гг.)—свидетельство очевидца³. Это летопись изложенных часто без внутренней связи, но с четкой фиксацией дат, событий так называемой «эпохи мирного строительства». (Такое своеобразное наименование получили семьдесят пять лет самого, может быть, спокойного периода армянской средневековой истории).

Нам известна чуть ли не вся жизнь Иоанна Драсханакертци, но мы почти ничего не знаем об Асолике. Собственно, все наши заключения основываются на его прозвище и нескольких фразах из «Всеобщей истории». Таронечи—значит родом из Тарона (вошедшего в 967/8 г. в состав Византийской империи), «Асолик»—по всей вероятности, выдающийся певец и музыкант. Сам он сообщает, что написал «Всеобщую историю» по приказу католикоса Саркиса (992—1019 гг.). Иоанн Драсханакертци был католикосом, Степанос Таронечи—близким к католикосу человеком, обоим, следовательно, были доступны архивы католикосата и Багратидов. И Иоанн Драсханакертци, и Степанос Таронечи были учеными вардапетами, знатоками Библии и трудов своих предшественников—армянских и греческих философов и историков, оба работали над изложением общеармянской истории⁴.

Однако «Историю Армении» Иоанна Драсханакертци отличает блеск «орнаментальной прозы», создавшей ему репутацию «искусного и многоумного великого ритора»⁵, а речь Асолика, сторонника ясного и даже сухого стиля, по его собственному определению (с точки зрения вкусов его современников), была «скудоумной»⁶. Иоанн Драсханакертци—одно из действующих лиц его «Истории Армении», осознающий и обосновывающий свои авторские цели и задачи, а также специфику своего сочинения во введении (с. 43—46) и завершающий свой труд непосредственным обращением к читателю («Особое слово в память имени моего») своего рода иштатакараном (с. 237—239). Труд Иоанна входит, таким образом, в ареал «греческой литературы», если, вслед за С. С. Аверинцевым, считать основным признаком принадлежности к ней замкнутость и пластичность формы, подчеркнутую присутствием прооймюна—«места подготовки к долгому рассказу» и четко проведенную границу в его конце («замкнутое и вычленившееся из жизненного потока произведение есть коррелят замкнутой вычленившейся авторской индивидуальности»⁷). Асолик также начинает свой труд прооймюном и завершает памятной записью, однако наглядная разница между яркой личностью Иоанна и подчеркнуто отказавшимся от индивидуального авторства Асолика ставит под сомнение часто постулируемое сходство между представителями одного жанра анналистической литературы⁸.

Основным конституирующим элементом Kaiseridee Асолика было «согласие с церковью», «подражание Христу», «угодность богу»

³ М. Абебян. История древнеармянской литературы, Ереван, 1975, с. 290.

⁴ Լ. Ն. Քարաշահյան, Դրժագեր Հայաստանի դարձացած ֆեոդալիզմի դարաշրջանի լուսավորչական երևույթ, 1981, էջ 114—116:

⁵ Иованнес Драсханакертци. История Армении. Пер. с древнеарм., вступ. статья и комментарий М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986.

⁶ М. Абебян. Указ. соч. с. 290.

⁷ С. С. Аверинцев. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность».—В кн.: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971, с. 220—224.

⁸ Р. Досталова. Византийская историография (характер и формы).—Византийский временник, т. 43, 1982, с. 22.

и «строительство церквей и монастырей». Иными словами, на первое место выходит благочестие царя и симфония светской и духовной власти.

Ашот Багратуни (885—890 гг.)—родоначальник армянских Багратидов—муж «кроткий», непорочный, «угодный богу», он помогает духовенству и украшает церкви. Асолик подчеркивает знатность и древнее его происхождение от аспетов—венцевозлагателей армянской династии Аршакидов, осознавая важность этих сведений для утверждения права Ашота на возрождение царской власти в Армении. В «царское зеркало» первого Багратида входит, как бы слегка теряясь между этими двумя главными элементами, и определение Ашота как «победителя соседних народов», но звучит оно достаточно декларативно (с. 153). Можно заметить, что Асолик в этом «зеркале», в основном, следует за своим источником, т. е. за «Историей» Иоанна Дранханакерци.

Иное дело, сын Ашота Смбат I (890—913 гг.). Он не получает никаких сведений о жизни, хотя факты, приведенные Асоликом, как будто говорят в его пользу. Смбат в начале царствования выигрывает сражения с арабами и «во дни его в нашем отечестве царствовал мир... Поля превратились в имения, селения в города по многолюдству своему и богатству, так что даже пастухи стали являться в шелковых платях» (с. 161). Однако именно чрезмерное благоденствие страны, достигнутое усилиями Смбата, стало по мнению Асолика причиной гибели и страны, и самого царя, поскольку упоенные земными благами они забыли бога (с. 162), и в результате Смбат погиб, а страна была разрушена измаильянами (с. 162, 165), Асолик, таким образом, ставит «соблюдение царем заповедей божьих» гораздо выше его успехов в ратном деле и управлении царством⁹. Поэтому, очевидно, Ашот II Еркат—прославленный воин, изгнавший из Армении «войска измаильян», характеризуется хотя и панегирически, но чрезвычайно лаконично (с. 169—170).

Принципы создания парадигмы идеального правителя гораздо отчетливее выступают в оригинальной части труда Асолика.

Сын Ашота Ерката Абас (929—935 гг.) водворил мир и благоустройство в земле армянской, «руководимый кротким своим нравом» (с. 171). Основное его достоинство—глубокая преданность армянской церкви (эпизод с Бером) (с. 172—173).

Сын Абаса Ашот Шаханшах (953—977 гг.) «превзошел всех кротостью и милосердием». Он лично помогал нищим и калекам, собирая их во дворце, раздавал такую щедрую милостыню, что опустошил казну (с. 180), при нем было построено множество монастырей (с. 181—182). Абас Карсский—муж, исполненный разума и мудрости, положил конец разбоям и грабежам в своем уделе, но главная его заслуга заключалась в том, что он заставил всех соблюдать посты и строил монастыри (с. 196—197).

Гагик I (990—1020 гг.) был, по Асолику, человеком «ума пронзительного», сведущим в военном деле, щедрым и прилежно посещающим церкви. И «по самый день писания этой летописи никакой

⁹ Совершенно так же осуждается Асоликом и Смбат II (977—990 гг.), которому также удалось достигнуть успехов «и внутри и вне государства». Он возгордился, «его обуло нечестие и надменность проникла в его сердце», и бог от него отвернулся (с. 253—255).

враг не возмущал спокойствия в Армении», однако Асолик явно бросает тень на этот светлый образ, глухо упоминая о каком-то несчастном случае (с. 255—256).

Истинным героем третьей части «Всеобщей истории» следует считать Давида Куропалата. Асолик упоминает его победоносные сражения с арабами (с. 266—267; 269—274). Но не это главное для Асолика. В энциклопедии Давиду, пожалуй, ярче всего проявляются черты идеального царя у этого историка. «Кротостью и миролюбием он превосходил всех государей, живущих в наше время. Он был виновником мира и благоустройства всех восточных стран, в особенности же Армении и Иверии. Он прекратил войны, беспрестанно со всех сторон возникавшие, восторжествовал над всеми окрестными народами, так что все государи добровольно покорились ему. Скончался он в глубокой старости, удрученный летами в 449 (1060 г.)» (с. 275).

С ассоциативной точки зрения интересно построена композиция «Всеобщей истории», где идеальный образ Давида как бы перекликается с идеальным образом Василия II в разделах, непосредственно примыкающих друг к другу.

Переход владений Давида Куропалата под власть Василия II происходит потому, что «у него [Давида] не было ни сына, ни брата, которые бы унаследовали престол его царства и он поручил своих вассалов и свою страну греческому царю Василию» (с. 275). О каком бы то ни было нажиме со стороны императора, известном нам по другим источникам, нет и речи. Асолик упоминает о схватке между русской дружиной Василия и вассалами Давида, но полностью обеляет воинов императора: «Гнев божий тяготел над ними [азатами Давида Куропалата] за их высокомерие» (с. 277).

Вину за обострение отношений между Византией и Грузией в связи с наследством Давида Асолик возлагает всецело на грузинского царя Гургена, а мирное завершение конфликта связывает с терпимостью и миролюбием Василия II (с. 279).

Асолик рассказывает, с каким почетом встретил и как щедро одарил император явившихся к нему армянских владетелей и как он отправил соседним арабским эмирам послание, запрещая им нападать на Васпуракан. Асолик немного, но весьма благожелательно рассказывает о внутривосточном курсе империи (с. 281) и хвалит веротерпимость Василия II (с. 281). И, наконец, в заключении он сообщает: «Император Василий II остановил нашествия, облегчил тяжкие налоги и положил конец грабежам и пленению» (там же).

Факты, которые могли бы изменить положительное восприятие образа Василия II, не упоминаются или толкуются позитивно и, при эпически бесстрастном тоне, отсутствии личного отношения (заданном жанром сочинения), портрет Василия II явно выдержан Асоликом в светлых тонах его собственной парадигмы идеального царя (в отличие от Иоанна Драсханакертци, рисующего портрет византийского императора византийскими же красками). Все прочие византийские императоры упоминаются Асоликом в целях чисто хронологических и лишены сколько-нибудь развернутых характеристик. Исключение составляют императоры-армяне: Лев VI и Иоанн Цимисхий.

Лев «был человек миролюбивый, пекущийся о благе целого государства, щедрый на дары, при раздаче которых он не походил на скаредного грека..., но как сын армянина он превзошел всякого армянина щедростью» (с. 159). Здесь в первый и последний раз Асолик осуждает греков за личные качества (может быть, чтобы подчеркнуть этническую принадлежность императора Льва). Об Иоанне Цимисхии,

непосредственном предшественнике Василия II, Асолик сообщает больше. «Кир-Жан» с юности приводил в изумление всех своими подвигами, поэтому, когда он воцарился, «добровольно покорились ему и платили дань татчики с юга, с севера — сарматы, а с востока — грузины» (с. 184), а когда Иоанн сражался на Балканах против болгар и их союзников «рузов», то рузы обратили в бегство оба крыла птеевского войска, но царь с армянской пехотой оставался неподвижным и в конце концов одержал победу. Однако воцарился Иоанн, убив Никифора Фоку, «при коварном содействии царицы, матери Василия», поэтому этого императора никак нельзя поставить рядом с самим Василием. И, кроме того, Kaiseridee Асолика ставит воинскую отвагу, таланты полководца и правителя гораздо ниже «ротости, смиренности, милосердия, терпимости и миротворчества, а этими последними качествами Асолик щедро наделяет Василия II.

На период с 929 до 1004 гг. приходится ряд важнейших этапов поступательного движения Византии на Восток: аннексия Тарона, присоединение Манцикерта, Антиохии, владений Давида Куропалата. «В 415 (966 г.), — пишет Асолик, — было затмение солнца, скончался Ашот, князь Таронский, и греки завладели Тароном» (с. 183). Столь же эпически рассказывает Асолик и о взятии Манцикерта. «В 417 (968 г.) Вард, племянник по брату Никифора, с многочисленным войском пришел в Апахуник, окружил город Маназкерт и, взяв его, срыл до основания городские стены, а в 418 (969 г.) он взял великий сирийский город Антиохию» (с. 183). Тон повествования не меняется — судьба Тарона и Манцикерта и судьба Антиохии описываются одинаково бесстрастно. Асолик рассказывает о войнах империи с арабскими владетелями, в результате которых многие малоазийские города и территории отошли к Византии (с. 184, 186—187, 245, 260—263, 264—265, 374) и восхваляет мужество византийских императоров и полководцев (среди которых было немало армян: Тарониты, Далассины).

Значительное место уделяет Асолик восстаниям малоазийских феодалов против империи (с. 246—251). При этом Варда Склир, избранный царем многими из знатных соотечественников Асолика, все же чаще именуется им «*թիւնիւն*» (тиран, захватчик). Несмотря на то, что в восстаниях Варды Склира и Варды Фски принимали деятельное участие многие армянские князья, для Асолика все эти смуты не свое, не кровное армянское дело, все это, по Асолику, происходило «в греческом государстве (*ի Գրիցական Զոհանք*)» (с. 192). Последней искрой мятежей было выступление магистра Чордванела, которого разбил в Дсрджане патрикий Иоанн. «С той поры, — с удовлетворением отмечает Асолик, — вся Греция, покоренная под власть Василия, стала наслаждаться миром» (с. 251). Начиная главу о втором болгарском походе Василия II, Асолик повторяет: «После того как непокорные, восставшие против греческого царя были истреблены, он, воспользовавшись досугом, предпринял поход против болгар (с. 260). Асолик, таким образом, включает без оговорок все малоазийские земли, и в том числе вновь отошедшие к Византии армянские территории, в состав «греческого царства»¹⁰, т. е. воспринимает в полном объеме концепцию о «восстановлении законных прав империи» на господство над народами, некогда подвластными Римской державе. И, кроме того, делает идеальным царем Василия II Болгаробойцу, наиболее последовательного и ревностного приверженца этой концепции, осуществлявшего на практике теоретические построения Константина VII.

¹⁰ Так же как и его современники Аристакес Ластивертци и Григорий Магистр.

Провизантийские тенденции Асолика отразились и на его компиляторской и редакторской деятельности, наложив отпечаток на создание «образа Византии» не только в оригинальной, но и компилятивной части «Истории».

Асолик переписывает пассажи из Мовсеса Хоренаци и Фавстоса Бузанда о христианизации Армении (с. 40, 43, 44, 46), о пребывании католикоса Нерсеса в Византии (с. 47), об огромной роли сирийской и греческой культур в создании армянской письменности и литературы (с. 51, 56), описывает антиперсидские восстания, когда армянские князья «предавались грехам», а Вардан Мамиконян со своей семьей приобщился к вере ромеев¹¹.

Упоминания о добровольном принятии «греческой веры» редко встречаются во «Всеобщей истории» (как в двух первых, так и в третьей ее части). Асолик—вардапет армянской церкви и правоверный монофисит—обычно все сближения с халкидонитами объясняет нажимом извне. Так, католикос Езр, лишенный поддержки ученых вардапетов, был «обманут коварными греками», и лишь потому не предал анафеме Халкидонский собор (Всеобщая история, с. 61—62). Католикос Нерсес «приобщился святым тайнам» в Двине с императором Константином, потому только, что последний грозил Армении «совершенным уничтожением» (там же, с. 83). Жалоба греческих воинов, оставшихся в Армении («в этой стране нас считают неверными; Халкидонский собор и послание Льва недостойными»), вызвала повеление императора Констанция правителю Армении Теодоросу Рштуни и католикосу Нерсесу Строителю—установить с греками согласие в вопросах веры (под угрозой лишения имущества, «сана» и власти).

Однако отказ армянских «князей и епископов» принять халкидонитство не только красноречив, но и миролюбив: на греках—«благодарить божественных даров», обширно и могущественно их государство, первосвященство истинно и исполнено божественной благодати, государственные мужи и воинство—христолюбивы, а «многочисленный ваш народ есть народ Христа Бога», армяне смогли сохранить свою веру, только опираясь на «свет славы Боголюбивого Вашего царства» (почти полное совпадение с фразеологией Иоанна Драсханакертци). И тем не менее «епископ и князья» отказываются признать Халкидонский собор, ссылаясь на мнение язычника—Хосрова, персидского царя—утвердившего в своем государстве только одну форму христианства—монофиситство (там же, с. 64—68).

Асолик считает собор в Маназкерте (726 г.), созванный католикосом Иоанном Одзнецом, важным этапом идеологической борьбы, призванным «вывести из Армении учение халкидонитов о двух естествах», «сохранившееся в греческой части Армении со времен Езра» (с. 72).

Он перечисляет ряд ученых вардапетов, которые жили в его время в разных монастырях. Все они по приказанию владыки Анании (943—968 гг.) после глубокого исследования божественных книг и на их основании постановили вторичное крещение для последователей Халкидонского собора (с. 178). Асолик осуждает католикоса Ваханика, «который завел переписку с последователями Халкидонского собора и хотел с ними сблизиться» (с. 181—182).

¹¹ Именно с пребыванием Вардана в Константинополе связывает Асолик появление «армянской двери» в храме св. Софии.

Однако, выступая против халкидонитов в самой Армении, Асолик, так же как и Иоанн Драсханакеертци, не претендует на религиозное перевоспитание ромеев¹².

* * *

Армянские историки из регионов, которые в X в. находились в стороне от формирующейся армяно-византийской контактной зоны (Васпуракан, Алуанк), почти не уделяют внимания современной им Византии. Однако образ империи в их произведениях возникает в исторических экскурсах.

Интерес читателей средних веков к произведению обычно подтверждается числом дошедших до нас рукописей. С этой точки зрения «История Хационского креста» была, очевидно, чрезвычайно популярна. Мы располагаем несколькими десятками списков, древнейший из которых (Матенадаран, № 3777) относится к 1185—1187 гг.¹³ Один из списков сохранился в составе сборника, объединенного общим названием «История Анонимного повествователя (Псевдо-Шапух Багратуни)». Мнение первого издателя сборника (1921 г.) М. Тер-Мовсисяна, считающего рукопись историей Шапуха Багратуни, опровергнуто последующими исследованиями арменоведов¹⁴, пришедших к выводу, что первая часть рукописи—собственно история Хационского креста—сборник повестей, а связь ее со второй частью—циклом оказаний о князьях Арцруни—условна; «Историю Хационского креста» можно датировать IX—X веками (с. 35).

Первая часть—цикл повестей, близких по времени и содержанию, но различных по жанру¹⁵ (каждая из них завершается памятной записью как отдельное произведение), начинается сказанием о Маврикии, затем следует рассказ о персидских походах Ираклия, об обретении им древа животворящего креста, повествование о Махметс—арабском полководце и армянском католикосе Сааке, рассказ о князе Теодоросе Рштуни и его сыне Варде Патрике. Информация об истории Византии и Армении VII в. носит обобщенный и неточный характер, заставляющий предположить наличие устной традиции. Во всяком случае авторы не знакомы ни с армянскими, ни с греческими историческими сочинениями (по крайней мере с теми, которые дошли до нас). Нет решительно никаких совпадений формальных или лексических с историей Себеоса (равно как и с «Хронографией» Феофана или «Бревиарием» патриарха Никифора) основными источниками по истории VII в. В «Истории Хационского креста» указаны несомненные и самые основные события этого периода—воцарение Маврикия, войны Ираклия, обретение им животворящего креста, но это канва, по кото-

¹² Асолик, в отличие от Иоанна Драсханакеертци, не скрывает, что в Двине греческие войска безуспешно осаждали не только эмира Сбука, но и шаханшаха Ашота I, его союзника (с. 167—168). Однако он не сомневается, что воцарение Ашота I произошло «с соизволения греческого царя Василия» (с. 157), а Смбаг царствовал «с соизволения греческого царя Льва, как и Ашот II Еркат» (с. 159).

¹³ История Анонимного повествователя (Псевдо-Шапух Багратуни). Древнеармянский текст с параллельным переводом. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии М. О. Дарбинян-Меликян, Ереван, 1971, с. 11.

¹⁴ Там же, с. 5—6, 23—26.

¹⁵ «Повесть о животворящем кресте»—образец довольно распространенных в средневековых сказаний об обретении святынь, а «Повествование о Теодоросе князе Рштуника и его сыне Варде Патрике»—житие.

рой рисует узоры легенда. Какими же в ней предстают представители Византии и прежде всего «Мурик, царь ромеев»? Из сказания следует, что он родом из Армении, что по разумному совету своего отца («Давида из Ани») он разогнал или перебил «больших» ромейских вельмож, пожаловал «малым» людям достоинство «стратигов и патриков» и создал войско из простолюдинов. Таким образом, «весьма укрепилось царство его»¹⁶. «Овладев всей страной ромейской... он захватил Египет... окружил стеною Иерусалим», владения его простирались на Восток, Запад и Юг и в них входили страны «Армянская, Алванская и Абхазская». Он был женат на сестере персидского царя, платившего ему дань (с. 50—51). «И восстановил он по всей стране мир, так что иные, сложив притчу, говорят: «Он сидит себе беспечно, словно во времена Мурика» (там же).

Все это рассказывается об императоре Маврикии (582—602 гг.), который вовсе не был армянином, женат был на Константине, дочери своего предшественника Тиберия, царствование его было бурным (выступления крестьян и солдат, мятежи знати), и сам он был лишен престола и казнен. Маврикию принадлежит идея депортации армян во Фракию, при нем был основан халкидонитский католикосат в Аване в противовес монофиситскому католикосату в Двине. А автор «Истории царя Мурика» хвалит его за мудрость, мужество, благочестие (с. 50—51) и даже сближает его с армянским миром, делая армянином «из Ани». Единственный упрек Маврикию—он поставил над Востоком некоего Махаза родом из страны Армянской, мужа злого и несправедливого» (там же)¹⁷.

«История Ираклия царя греческого», прежде всего сообщает, что император объединил под своей властью «все фракийские страны, Грецию, Великую Армению и Абхазию» (с. 52). Цель византийско-персидских войн, по Псевдо-Шопху, — освобождение животворящего креста, поскольку крест находился у «царя персидского Касра» (с. 52—60). При перечислении воинских отрядов, собранных на эту войну Ираклием (грузинские, алуанские, месопотамские, греческие и франкские), на первом месте названы армянские войска, а отношения с армянскими владетелями иллюстрируются верноподданническим поведением княгини Сюника, которая помогла Ираклию «ратными мужами» и множеством даров (с. 52—60)¹⁸. Взамен княгиня попросила частицу животворящего креста для нее. Император советуется о том, как ей помочь, с Иоанном Майрагомеци, «которого любил за святость» (с. 62—63). Между тем, Иоанн Майрагомеци—это независимый мыслитель и выдающийся вардапет, бескомпромиссно защищавший национальную церковь, его считают составителем полемического сборника «Исповедание веры» («Печать веры») ¹⁹. Он был и антихалкидонитом, и антимонотелитом, а католикос Езр—сторонник унии с Византией—отлучил его от церкви (629 г.)²⁰. «Narratio de rebus Armeniae» (произведение армянина-хал-

¹⁶ История Анонимного повествователя, с. 45—49.

¹⁷ Махаз был правителем византийской Армении в 593—594 гг., т. е. «Восток» — это восточные армянские провинции Византии.

¹⁸ Аллюзия на современные автору повести события (помощь Ашота Багратуни Иоанну Цимисхию).

¹⁹ Об Иоанне Майрагомеци см.: G. Caritte La Narratio de rebus Armeniae-Louvain, 1952, p. 347. А. М. Кендeryн. Иоанн Майрагомеци (Из истории средневековой армянской риторической прозы). Автореф. канд. дисс. Ереван, 1971, Он же. Հովհաննէս Մայրաղոմէցի, Երևան, 1973.

²⁰ G. Caritte. La Narratio de rebus Armeniae, p. 44—45, 278—300.

кидонита VII в.) рассказывает о насаждении унии церквей при Ираклии и оппозиции ей Иоанна Майрагомеци²¹. Его богословские труды были хорошо известны, во всяком случае Степанос Таронский, завершивший свой труд событиями 1003 г., пишет: «И при нем [католикосе Комитасе] блистал своей ученостью Иоанн Майрагомеци, которому Комитас вверил управление католикосатом. Этот [Иоанн] написал три книги и имени своего не написал на них... название одной книги «Наставление по поведению», другой «Основы веры», а третьей «Ноемак». Соответственно сближение имени василевса ромеев, распространителя унии в Армении, с именем уважаемого национального богослова, яростного ее противника, было не случайным, а сознательным стремлением стереть конфессиональные различия между армянами и ромеями.

Вард Патрик, перешедший на сторону арабов, был поражен страшным видением моря крови «из дома ромеев», пролитого по его вине. Он кается в «совершенном зле» (с. 100) и получает прощение бога только после того, как построил множество церквей и получил при посредстве отшельника Симеона мощи святого Степаноса из Иерусалима. Вард раздал свои достояние нищим и до смерти не снимал власяницу. Это, разумеется, ситуация вполне агиографическая. Интересно для нас то, что бог послал предостерегающее видение грешнику, который предал «дом ромеев».

История византийско-персидских войн царя Ираклия и спасение животворящего креста нашли отражение во многих памятниках армянского средневековья как факт собственной истории армянского народа, т. е. войны происходили на территории Армении, а в судьбах Иерусалима и святого креста армяне принимали живое участие. Однако, ни Себеос,²² главный наш источник по этому периоду, ни современники автора «Истории Хацюнского креста» Мовсес Дасхуранци (Калапхатуаци), Фома Арируни, и даже Иоанн Драсханакертци не рисуют столь светлого образа Ираклия, как «История Хацюнского креста», и только в одном памятнике, точнее, в его сохранившихся фрагментах, мы находим ему почти полную аналогию. Это рукопись «Истории Ираклия» (Матенадаран, № 7729, № 923, в особенности список № 993). Еще Н. Я. Марр обратил внимание на «усиленное прославление» Ираклия в этом памятнике. «Император называется не только боголюбивым, но и святым. Существование такого культа императора Ираклия в среде национальной армянской церкви нам кажется в высшей степени сомнительным. Поэтому сказание может представлять для нас особый интерес, как один из редких уцелевших памятников халкидонитского течения армянской литературы»²³. Еще одним аргументом в пользу халкидонитского происхождения рукописи Н. Я. Марр считает описание пути Ираклия из Персии через бассейн р. Спера, притока р. Чорох,

²¹ Асолик, с. 37 (*վանի գրեգորեանի ժողովրդեանն*) — «т. е. это не было принято или в переводе Эмина: «которые, впрочем, не были приняты народом», но даже если они не были приняты народом», то ученым-монахам, богословам и писателям они несомненно были знакомы.

²² Պատմութիւն Սերէնի, աշխատանքներ Յ. Վ. Արարիանի. Երևան, 1979.

²³ Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. IX Ахтпох Стратиг. Плениение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст исследовал, издал, перевел и арабское извлечение приложил Н. Марр. СПб., 1909, с. 60. Исследование Марра предлагает не только грузинскую, но и арабскую версию, фрагменты греческой версии (с. 9—48) и подборку армянских материалов о завоевании Иерусалима персами (с. 48—62).

где «господствующим слоем, прикрывавшим коренное лазское население оставался армянский элемент», а именно армяне-халкидониты грузинского вероисповедания²⁴. Г. В. Абгарян, рассмотревший обе рукописи, отмечает, что в списке № 7729 отношение к Ираклию гораздо более сдержанное, нежели в рукописи № 993. Исследователь полагает также, что писец рукописи № 993 халкидонитом не был, и не находит никаких следов халкидонитского влияния в ее тексте²⁵. Список был создан в IX—X вв., т. е. принадлежит к тому же периоду, что «История Армении» Иоанна Драсханакертци и «История Хационского креста». К соображениям Г. В. Абгаряна можно добавить, что, отнюдь не отрицая влияния армяно-халкидонитской традиции на становление позитивного образа Византии, никак нельзя безоговорочно ставить знак равенства между провизантийской и халкидонитской тенденциями. Более того, полная их идентификация приводит к смещению акцентов и прямым ошибкам при анализе армянских источников (см. ниже об источниках Мовсеса Дасхуранци).

Византийский мир для авторов «Истории Хационского креста» сконцентрирован в Константинополе. Топография державы ромеев в общем мало знакома армянскому автору (кроме Константинополя упомянут еще только Хрисополь (с. 76—77), остальные города располагаются в основном в соседних с Арменией областях (с. 96), есть упоминание об ассортименте ромейских товаров в международной торговле того времени (с. 100)²⁶.

* * *

Арцруни занимали приоритетное положение в юго-западной Армении и (в протеклоположность провизантийски настроенным Мамиконянам) в начале IX в. (838 г.), по свидетельству Генесия, участвовали вместе с Аббасидами в набегах на византийские земли, тем не менее и они пострадали от наступления на права владетелей Армении, предпринятого арабами. Во время похода Буги великий князь Ашот Арцруни был уведён в плен в Самарру и вместе со своей этерней до 868 г. (до возвращения в Васпуракан) находился в резиденции халифа и воевал против врагов халифата. Другие члены его фамилии были отпущены уже в 858 г. и играли роль своего рода антивизантийского форпоста²⁷. Имена князей Арцруни—Хамза (Амазасп)²⁸, Абу-Ганим²⁹, Абу Белч³⁰—свидетельствуют, если не о принятии ими ислама, то об их проарабских настроениях. Не следует забывать и мусульманские эмираты в Васпуракане, вокруг оз. Ван и их компактное арабское население. В 908 г.

²⁴ Там же, с. 60.

²⁵ Պատմութիւն Սերգիսի, էջ 425—426.

²⁶ II часть «Истории Антиимного повествователя», дошедшая до нас в одном только списке и записанная, возможно, после XII в.—это уникальный образец армянской средневековой художественной прозы, основанной на родовых преданиях князей Арцруни, дошедших до писца XII в. в устной традиции.

²⁷ Չ. Մ. Վանդանյան. Արժույթային և քաղաքական միջավայր (IX դարի 30—60-ական թթ.)—Историко-филологический журнал, 1984, № 4, с. 138—148.

²⁸ Там же, с. 139.

²⁹ Constantine Porphyrogenitis. De administrando imperio. Ed. G. Moravcsik. London, 1917, t. I, 43/5, 72, 101, 136, 178, 184, 186; Константин Багрянородный, с. 409, прим. 24.

³⁰ J. Laurent. Un feodal Arménien au IX siècle Gourgen Ardziscian fils d'Abou Belch. Revue d'Histoire Arménienne. Paris, 1971, p. 46.

Гагик I Арцруни (908—943 гг.) отделился от Великой Армении, возможно, не без участия арабов, и был сразу же признан халифатом.

«История дома Арцруни» была написана тремя авторами: Товма Арцруни писал свою часть «Истории» по заданию князя Григора, убитого в 887 г., и продолжал ее, может быть, до 905 г.³¹ Первый аноним—очевидец описываемых им событий—писал при Гагике I, царе Васпуракана (908—943 гг.). Он упоминает Иоанна католикоса как «блаженного», т. е. уже умершего³², а второй аноним писал в первой четверти XII в.³³ Товма и оба анонимных автора, посвятившие свой труд дому Арцруни (и очевидно происходившие из этого дома), были любознательными и сведущими вардапетами, занимавшими видное положение в духовной иерархии. Византизм в современных авторам «Истории дома Арцруни» пассажах упоминается редко, а такая вечная тема армянской историографии, как борьба с халкидонитами, совершенно обойдена молчанием. Халкидониты упомянуты всего один раз при перечислении диофиситов вообще в одном ряду с несторианами³⁴. Халкидон встречается в этом источнике два раза: один—в связи с проведением Халкидонского собора³⁵, другой—как географический пункт в византийско-персидских войнах³⁶.

В приложении к «Истории дома Арцруни» (гл. XII) упомянуты следующие даты: 1021, 1041, 1097 и 1121 г. Автор приложения жил при Хеденеке, внуке князя Абдельмсеха Арцруни, владельца крепости Амюк из той ветви Арцруни, которая осталась на родине. Последнее событие труда анонима датируется 1121 г., т. е. автор жил в начале XII в. и был старшим современником Аристакеца Ластивертци. Не будучи очевидцем событий, он опирался, по-видимому, на непосредственную традицию³⁷ (в рассказе о переселении в Византию Сенеке-рима Арцруни в 1021 г. и Гагика Багратуни—в 1041 г.). Образ Византии обрисован весьма немногословно, но почти идиллически. Армянские цари добровольно передают свои владения—император ромеев принимает их с почестями и дарами и дает им равноценные и даже лучшие владения: вместо просто городов—города великие (*մեծամեծ*), взамен крепостей—неприступные крепости (*անմարտից*) (с. 476—478). Определение императора ромеев (боголюбивого и благочестивого), империи ромеев и ее «богохранимой» столицы вполне соответствует этикетным установкам, принятым предшественниками автора приложения «Истории дома Арцруни».

* * *

«История страны Алуанк» Мовсеса Дасхуранци (или Каланкатуаци), имеющая значительную историографическую традицию, в последние годы получила новый мощный импульс для изучения. В

³¹ Thomas Artsruni. History of the House of the Artsrunik. Translation and Commentary by Robert W. Thomson. Detroit, 1985, p. 19.

³² М. Абе-гян. История древнеармянской литературы, с. 253. Правда, М. Абе-гян считает, что это еще пишет Фома Арцруни, а Р. Томсон полагает, что словосочетание «блаженный» может быть позднейшей вставкой (R. Thomson, p. 20).

³³ R. Thomson, p. 19.

³⁴ Քաղաքի Արարիկի. Պատմութիւն տան Արարիկաց. Երևան, 1985, էջ 394. R. Thomson, p. 318.

³⁵ Товма, с. 132.

³⁶ Там же, с. 146, 148.

³⁷ М. Абе-гян. Указ. соч. с. 255.

1983 г. В. Д. Аракеляном был издан критический текст³⁸, в 1984 г. Ш. В. Смбатяном—русский перевод с предисловием и комментариями³⁹ и, наконец, в 1987 г. вышла в свет монография А. А. Акопяна⁴⁰.

«История страны Алуанк» была составлена Мовсесом Каланкатуаци или Дасхуранци, армянским вардапетом высокого ранга, может быть, католикосом Алуанка (а до этого—настоятелем монастыря в Парисосе) в X в. на основании источников V—X вв., иногда перенесенных в текст без всяких изменений (труды Мовсеса Хоренаци, Елише, Петроса Сюнеци, Пилона Тиракаци, грамоты, послания, каноны и т. д.), иногда подвергавшихся редакторской правке Мовсеса Дасхуранци⁴¹. Он включает в свой труд источник по истории Алуанка 30-х—80-х годов VII в. (условно именуемый «Историей 684 г.»), автор которого писал изысканно и приподнято, демонстрируя великолепное знание греческого языка, Библии и раннехристианских писателей. Его свидетельства находят параллели в других источниках (армянских, арабских, грузинских), но сообщения о Византии вызывают скептицизм исследователей, в частности—отношения князя Джуаншера с империей⁴². Джуаншер будто бы письменно признал сюзеренитет империи. В ответном письме император жалует Джуаншеру высокие звания анфипата и патрикия, шлет богатые дары и частицу животворящего креста (с. 181). При двух личных встречах император незримо присутствует к князю Джуаншеру (сажает его выше всех вельмож за столом, угощает на золоте, опоясывает его царским поясом деда своего Ираклия, накидывает на него свою собственную царскую мантию, жалует ему два знамени и возводит в сан патрикия его сыновей) и признает за ним право наследственного владения на все территории, «которые когда-либо принадлежали первым царям Алуанка», «поручив царственно управлять Восточным краем» (с. 183—186).

Складывается впечатление, что образ Византии—щедрой и милостивой покровительницы «Восточного края», хотя автору источника хорошо известно, что империя под ударами арабов откатилась далеко на Запад (с. 192—195), нужен автору для того, чтобы легализовать притязания Джуаншера на царское достоинство, для чего мало было, по-видимому, и покровительства Бога и личных добродетелей Джуаншера, хотя и то и другое дано ему автором достаточно щедро (с. 185—186, 189—190).

«Божьим провидением со дня рождения он был назначен для славы и величия», он «ничем не ниже царей» и нельзя считать его власть меньшей чем царская только из-за того, что «у него не было на голове короны» (с. 200—201), поэтому-то «мы, смиреннейшие слуги, вправе сравнивать его не с Августом или императором Тиберием, но за великие благодеяния его—с блаженным Константином, получившим венец от Бога и прославившимся».

³⁸ Մովսէս Կաղանկատացի. Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի, բնական բնագործը և ներածութիւնը՝ Վարդգ Առաքելյանի. Երևան, 1983 (в тексте страницы указаны по этому изданию):

³⁹ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984.

⁴⁰ А. А. Акопян. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987 (обзор литературы, посвященной «Истории Албании», с. 150 и сл.).

⁴¹ Там же. с. 167, 169; 177—242.

⁴² Ն. Աղոնց. Քննութիւն Մովսէս Կաղանկատացու.—«Անահիտ», 1940, № 1—3, էջ 22—25; Վ. Արիւնյան. Մովսէս Դասխուրանցի (Կոչված Կաղանկատացի) և իր Պատմութիւն Աղուանից. Վիեննա, 1970, էջ 251—252:

Важным структурным элементом идеологии власти в средние века было программное сопоставление императоров, королей и князей с первым христианским императором Константином I. Образ Константина выступает как парадигма идеального правителя и сопоставляется с образом Джуаншера. Джуаншер знатен и богат (с. 185—186), он доблестный и неустрашимый воин (с. 172—180), мудрый и воздержанный правитель (с. 183). В его благочестии четко выделены строительный и церемониальный аспекты веры (вспомним в особенности публичную «Молитву Джуаншера» (с. 187—190). Однако владыкой страны «от пределов Грузии и до ворот Гуннов, до реки Ерасх» он становится только после утверждения его императором ромеев, и лишь тогда Джуаншера признало духовенство Алуанка (с. 182—183).

Главы 9, 14 и 16 второй книги—«История католикоса Вироа» (ИКВ)—небольшое сочинение VII в., автор которого упоминает о том, что ни один владетель Армении, Авирии и Алуанка не отозвался на обращение Ираклия о помощи, и благожелателен к осажденным императором и его союзниками тбилисцам. А. А. Акопян поэтому предполагает, что ИКВ—произведение антихалкидонитское, а католикос Вироа, который, как достоверно известно, был халкидонитом, мог быть его героем только в том случае, если он прижмул к монофиситам⁴³. При этом А. А. Акопян ссылается на Н. Я. Марра, который будто бы ставит отношение к Ираклию в прямую связь от конфессиональной принадлежности тех, кто пишет об этом императоре. Это не совсем так. Н. Я. Марр отмечает только, что «культ царя Ираклия был невозможен в армянской национальной церкви»⁴⁴.

Разумеется, прохалкидонитская и провизантийская тенденции шли рука об руку, но тем не менее могли и не совпадать⁴⁵. А все пассажи источника, свидетельствующие о негативном отношении к Ираклию, идут на уровне оппозиции императору ромеев, а не халкидониту. Да и так ли уж отрицательно отношение к императору Ираклию? Он известил своих военачальников о том, что начинает войну против Хосрова, похитителя св. Креста, по милости бога, что «бог способствует его успеху» (с. 130). Автор ИКВ подчеркивает полководческий талант Ираклия (с. 130—131)⁴⁶, называет его «великим» (*hshirē dēd*) (с. 131). Что касается симпатий к осажденным тбилисцам, то автор ИКВ не скрывает и их надменности и преступной дерзости по отношению к царю гуннов и Ираклию (с. 140). В тексте, принадлежащем самому Мовсесу Дасхуранци (гл. XV кн. III) Ираклий назван «победоносным императором ромеев», оставившим «о себе на свете славу храбреца» (с. 316—317).

Ираклий опустошил Атрпатахан, летнюю резиденцию царя персов, и решил перезимовать в пределах Алуанка, Армении и Иверии, обратившись к владетелям этих стран именно с просьбой принять его на постой. Владетели же Алуанка отказали ему вовсе не из особой неприязни к Ираклию, а «по повелению самого Хосрова» (с. 132). Они оставили Партав и «укрепились в разных местах». Заступником же горожан перед Ираклием (несомненно разгневанным таким поворотом дел)

⁴³ А. А. Акопян. Указ. соч., с. 208.

⁴⁴ Н. Я. Марр. Антох стратиг, с. 60.

⁴⁵ Вспомним явное тяготение армянских авторов к Византии как к государству при стремлении отстоять свою конфессиональную независимость (см. выше об Иоанне Драсханакертци).

⁴⁶ Он одерживает в конечном счете победу над Хосровом, несмотря на отступления и неудачи.

остался некий священник Захария, «муж святой, кроткий и смиренный. Клятвами, молитвами и всевозможными ухищрениями он спас многих христиан»⁴⁷, поручился он и за евреев, и за язычников. Впоследствии эти заслуги его были оценены и всеобщим желанием он был рукоположен в католикосы престола Алуанка» (с. 132). В 632 г. на Феодосиопольском соборе армянский католикос Езр Арахезаци (630—641 гг.) принял формулу монофелизма, уступая царю Ираклию, но источники однозначно расценивают этот шаг как принятие халкидонитства. По Себсосу, к Езру примкнула и Алуанская церковь, т. е. ее католикос Захария был халкидонитом. А. А. Акопян, настаивая на антихалкидонитском характере источника и невозможности для такого рода памятника восхвалять халкидонита, считает, что до 632 г. Захария был монофиситом и ИКВ соответственно была написана до 632 г.⁴⁸ Из данных ИКВ не следует, что Вирой или Захария были монофиситами. Оба утверждения базируются на том, что ИКВ было антихалкидонитским произведением, в то время как его нельзя отнести даже к антивизантийскому (что вовсе и не всегда одно и то же).

Труд Мовсеса Дасхуранци явно и последовательно антихалкидонитский. Однако антихалкидонитские настроения Мовсеса Дасхуранци не трансформировались в антивизантийские: борьба идей, в основном, шла с отечественными халкидонитами⁴⁹.

Византия и византийцы занимают немного места (в сравнении с «Историей Армении» Иоанна Драсханакертци) на страницах «Истории страны Алуанк». В конце ее помещен очень краткий очерк положения дел в Армении времен царя Ашота Багратуни и его сына Смбата I,

⁴⁷ Здесь Ш. В. Смбатян добавляет «из полон» (Мовсес, с. 77). Мне представляется, что в такой вставке нет необходимости. Ромейские войска, как следует из дальнейшего изложения, вели себя, как любая армия на зимних квартирах, т. е. вытаптывали и опустошали селения, но войны они здесь не вели и, следовательно «из полон» никого не угоняли. Да и вскоре персидское войско оттеснило Ираклия в «его страну» (с. 132).

⁴⁸ А. А. Акопян. Указ. соч., с. 194.

⁴⁹ Ромеи исповедовали халкидонитство—это бесспорно, бесспорно и то, что во время движения на Восток Византия поддерживала халкидонитов и была поддерживаема ими. Но нельзя утверждать, что халкидонитство возникло только в результате экспансии Византии и среди знати. Халкидонитство как сложное и широкое религиозное течение имело и другие пути для завоевания душ кроме войны, о чем говорит его распространение в Алуанке, да и в Сюнике, наиболее удаленных от Византии и не испытывавших ее военного присутствия областях Армении. Мовсес Дасхуранци упоминает о богословском споре Степаноса Сюнеци с армянским аспетом Смбатом, исповедующим две природы Христа (с. 320—321).

Степанос Сюнеци—ученый, философ, переводчик, автор духовных песен, посланий, речей, толкований, по Мовсесу Дасхуранци, именно «в стране ромеев» изыскивал богословские книги для подкрепления аргументации в споре с халкидонитами. Он даже обратился к императору ромеев с просьбой открыть ему книгохранилища и «найдя там книгу о вероисповедании, написанную золотыми буквами, преподнес ее царю» (с. 321). Император отправил Степаноса в Рим за книгами об истинной вере, но обретя эти книги, Степанос вернулся не в Константинополь, а в Армению, т. к. «желал учить свою страну по тем книгам» (с. 321—322).

Мовсес упоминает и о том, что десница Григория Просветителя находилась в Константинополе и была подарена царем ромеев Серобу, епископу Амараса и в связи с этим рассказывает, что сам св. Григорий был рукоположен в Кесарии, которая находилась под властью патриарха ромеев (с. 328).

в их международных контактах и конфликтах отражены только арабы (с. 334—338), а о вассальных отношениях с Византией вообще нет ни слова. Знали, но не упоминал о них осведомленный Мовсес Дасхуранци? Или в глазах историка Алуанка они не были значительны, т. е. не имели в реальной политике его региона такого значения, которое им придает пишущий историю Армении Иоанн Драсханакертци? Однако в немногих посвященных им пассажах византийские императоры характеризуются как правители, получившие власть от бога, благочестивые, храбрые, милостивые к подданным и беспощадные к врагам, справедливые, щедрые (т. е. налицо перечень основных элементов *Keiserides*, восходящий к позднеантичным концепциям и ставших традиционными как в византийской, так и в армянской историографии).

Мовсес Дасхуранци говорит о «великом царстве ромеев», столица которого построена императором Константином, «до того набожным, что ангел божий служил ему и этой верой своей, великой победой сокрушал всех врагов своих» (с. 260, Мовсес, с. 132).

Историки Васпуракана и Алуанского царства, оказавшиеся в X в. в стороне от движения Византии на Восток, поддерживали традицию позитивного отношения к Византии, заданную Иоанном Драсханакертци и продолженную во «Всеобщей истории» Асолика.

Образ великой державы ромеев, единственной опоры армян в борьбе с мусульманским миром, должен был служить, по кардинальной идее труда Иоанна Драсханакертци, созданию сильного и независимого армянского государства, однако, войдя в армянскую историческую традицию, этот образ лег в основу позитивного отношения к идеологическим и политическим ценностям Византийской империи, что послужило основанием, формированию и закреплению армяно-византийской контактной зоны.

ԲՅՈՒՋԱՆԴՐՈՒՄԻ ԿԵՐՊԱՐԸ X ԴԱՐԻ ՀԱՅ ՊԱՏՄԱԴՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Պատմ. գիտ. դոկտ. Վ. Ա. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՎԱ-ՖԵԴԱՆՅԱՆ (Մոսկվա)

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Հոդվածում քննության են առնված Բյուզանդիայի մասին պատկերացումները X դարի հայ պատմագրության մեջ: Մուսուլմանական աշխարհի դեմ պայքարի միակ հենարանի՝ «հռոմեացիների» հզոր տերության կերպարը, ըստ Հովհաննես Դրասխանակերտցու երկի առանցքազաղափարի, պետք է ծառայեր ուժեղ և անկախ Հայոց պետության ստեղծմանը: Սակայն, սերտաճելով հայ պատմագրության ավանդույթին, այդ կերպարը դրվել է Բյուզանդական կայսրության դադափարախոսական և քաղաքական արժեքների նկատմամբ դրական վերաբերմունքի հիմքում: Այդ ընկալումը հիմք է ծառայել հայ-բյուզանդական առնչությունների դոտու ձևավորման և ամրապնդման համար: